

Сергей
Зинин

A sepia-toned portrait of a young man with dark, wavy hair, wearing a suit and tie. The portrait is the central focus of the cover.

НЕИЗВЕСТНЫЙ ЕСЕНИН

В плену у Бениславской

Гении и злодеи

Сергей Зинин

**Неизвестный Есенин. В
плёну у Бениславской**

«Алисторус»

2010

Зинин С. И.

Неизвестный Есенин. В плену у Бениславской / С. И. Зинин — «Алисторус», 2010 — (Гении и злодеи)

В публикациях о Сергее Есенине Галине Бениславской обычно отводится роль любимой женщины, верного друга и литературного секретаря поэта. Между тем статус Г. А. Бениславской как его гражданской жены подтверждается многими данными, и она имеет явное преимущество по продолжительности совместной семейной жизни в сравнении с зарегистрированными и гражданскими женами С. А. Есенина. Сергей Александрович неоднократно предлагал Бениславской и официально оформить с ней брачные отношения. Летом 1925 года перед женитьбой поэта на С. А. Толстой между ними произошел разрыв. Галина тяжело переживала это, лечилась от нервного расстройства, на время уезжала из Москвы. А в декабре 1926 года покончила с собой на могиле Есенина на Ваганьковском кладбище, оставив записку: «3 декабря 1926 года. Самоубилась здесь, хотя и знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина... Но и ему, и мне это все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое...».

© Зинин С. И., 2010

© Алисторус, 2010

Содержание

Женщина в клетчатом кепи	5
Детство	7
Гимназистка	9
Вступление в самостоятельную жизнь	12
Среди белых	14
Среди красных	17
Рядом с чекистами	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Сергей Иванович Зинин

Неизвестный Есенин. В плену у Бениславской

Женщина в клетчатом кепи *Вместо пролога*

В последний день своей жизни Галина Артуровна Бениславская была спокойной и сосредоточенной. Уходя из дома, она еще раз мысленно проверила, не забыла ли чего. Успокоилась. Кажется, все, что могла, сделала. К вечеру добралась до Ваганьковского кладбища. Уверенно по снежной тропинке дошла до нужной могилы. Пристально оглядела место погребения поэта. Это была простая, почти деревенская, летом заросшая травой, а зимой засыпанная снегом могила. Неухоженной была недалеко видневшаяся могила поэта Александра Ширяевца, друга Есенина. Вздохнув, Галина подумала, что уже скоро год будет, как умер Сергей, а на могиле нежнейшего русского лирика нет даже надгробной плиты с именем «Есенин». Ей говорили, что некоторые любители есенинской поэзии не раз поднимали вопрос о начале сбора средств на памятник любимому поэту и установку его на месте захоронения. Один сибирский журналист, чтобы перейти от слов к делу, для начала предложил поставить хотя бы маленький, простенький черный камень с Алтайских гор. Но дальше разговоров дело не двигалось. Ни у родственников поэта, ни у нее самой денег для приличного надгробия на могиле поэта не было. Вздохнув, подумала, что сейчас не это для нее главное. В мыслях она была в плену скорой встречи с дорогим и любимым человеком.

Галина присела на лежащий сухой сук. Закурила. Стало темнеть. Тихо, мрачновато, но страха не было. Еще острее почувствовала свое одиночество среди этих могил, крестов и стоявших вдалеке памятников знатым горожанам.

Вытащила револьвер. Проверила патроны. Как все, оказывается, просто в жизни: нажми на курок – и ты уже никогда не увидишь все то, что тебя сейчас окружает.

Медленно поднесла револьвер к виску. Вдохнула... и нажала на спусковой крючок. Щелчок... Окружавший мир все так же стоял на месте. Осечка... Досадно.

Галина не удивилась, что выстрела не было. Значит, так надо, вероятно, она что-то еще не успела сделать. Отчетливо представила, как будут обсуждать ее самоубийство. Вытащила из сумочки папиросную бумагу. Рука немного замерзла. Подложила под бумажку папиросную коробку. Стала выводить на бумаге каракули, пытаясь что-то написать в свое оправдание. Прочитала.

«3. XII.1926.

«Самоубилась» здесь; хотя и знаю, что после этого еще больше собак будут вешать на Есенина. Но и ему, и мне это будет все равно. В этой могиле для меня все самое дорогое, поэтому напоследок наплевать на Сосновского и общественное мнение, которое у Сосновских на поводу.

Если финка будет воткнута после выстрела в могилу – значит, даже тогда я не жалела.

Если жаль – заброшу ее далеко. Первая осечка».

Молча, сосредоточенно воткнула нож в выступавший могильный холмик.

Опять поднесла ствол револьвера к виску. Опять осечка. Но теперь не хотелось писать что-то в оправдание.

Еще раз повторила все сначала. Выстрела опять не было. Вся надежда на принесенный нож.

Возможно, что дальше могло бы все произойти так, как описал, пользуясь слухами, в мемуарах поэт В. Шершеневич: «На зимнем кладбище, на могиле Сережи, скоро нашли мертвую Галю. Она выстрелила в себя несколько раз, но револьвер дал осечки, тогда она покончила с собой острым кинжалом. Рядом лежал револьвер, и в нем несколько патронов были с набитыми капсулками».

Выстрел услышал кладбищенский сторож. Он со страхом, прячась за памятники и ограды, первым подошел к лежащей женщине, которая в клетчатом кепи и темном поношенном пальто лежала на снегу и чуть слышно стонала. Сторож побежал к церкви, вызвал милицию и «Скорую помощь». Женщина уже не дышала. Труп повезли на Пироговку, в анатомический театр. Так трагически оборвалась жизнь 29-летней Галины Артуровны Бениславской.

Детство

О своих родителях Галина не любила говорить. Возможно, ей и нечего было рассказывать, так как она их почти не помнила. Сведения об отце и матери сама узнавала от других.

Галина Артуровна Карьер родилась 16 декабря 1897 года в Санкт-Петербурге. Ее отец, обрусевший француз А. Карьер, женился на Вассе Смирновой, дочери осетинки. В России А. Карьер числился студентом. Очень скоро пристрастился к вину, стал много пить, не проявляя должной заботы о жене и дочери. Через пять лет после рождения Гали ее родители разошлись. Пятилетнюю девочку взяла на воспитание тетка отца. Прожила Галя у нее полтора года. Затем мать забрала свою дочь и уехала с ней к родственникам на Кавказ.

В Тифлисе мать заболела тяжелым психическим расстройством. Галину взяла на воспитание сестра матери, Нина Поликарповна Зубова, врач по профессии. Она была замужем за Артуром Каземировичем Бениславским, работавшим директором больницы в городе Режице (современный Резекне в Латвии). Это был хорошо обеспеченный по тем временам человек. Недалеко от города он имел солидное имение Рыкополь.

Галину отдали учиться в пансионат города Вильно. Здесь она познакомилась и подружилась с Яниной Козловской. Их дружба продолжалась до последнего дня жизни Бениславской.

Дальнейшее обучение Галина продолжила в Варшавской 2-й женской гимназии. Окончила полный курс обучения в гимназии с золотой медалью. 23 августа 1909 г. ученице Карьер Гале по определению Педагогического совета был выдан Похвальный лист, в котором отмечалось ее благонравие, прилежание и отличные успехи в науках.

В имение своего отчима она приезжала на летние каникулы. У Артура Каземировича был большой дом с барской конюшней, рядом находились сад и прекрасный парк. Недалеко виднелось живописное Рыкопольское озеро, просматривались поросшие лесом холмы и многочисленные овраги. От этих природных красот Галина приходила в восторг, а близкое знакомство с окружающей местностью развивало в ней любовь к природе.

Барское здание в имении было большим, но не выделялось шикарностью и архитектурной помпезностью. Дом хорошо вписывался в естественную окружающую природу. В имении была приличная библиотека, основу которой составляли книги русских, французских и польских классиков. Кроме чтения книг Галина любила заниматься лошадьми. Она могла подолгу возиться с ними в конюшне или сломя голову скакать по окрестным лугам и холмам.

Раза два на летний отдых с Галей приезжала ее подруга по гимназии Наталья Чхеидзе. «Имение было весьма запущено, но это в моих глазах лишь увеличивало поэтическую прелесть его быта, – вспоминала Н. Чхеидзе. – Имение раскинулось в полосе богатого смешанного леса, перемежающегося широкими просторами возделанных полей. В лесной чаще болота, и местность была испещрена серо-голубыми озерами. Старый дом Бениславских, ничем не примечательный, с разбитым полом и скрипучими дверьми, стоял в тенистом саду, на берегу небольшого озера, заросшего белыми кувшинками.

Здесь во всей полноте раскрылась для меня еще одна сторона Галиной натуры. Это – ее близость к природе, ее подвижный, спортивный дух. Галя отлично ездила верхом, плавала и ныряла, стреляла из ружья, правила запряженной парой. За своим верховым конем, горячим, золотисто-рыжим Медором, Галя ухаживала сама, купала и холила его. По воскресным дням всей семьей ездили охотиться за десятки километров от дома. Великолепна бывала Галя, когда садилась на козлы и, натянув поводья, щегольски отставив локти, гнала запряженную пару по широкой пыльной дороге...».

Местный житель Францис Каспарович Педан вспоминал: «Мы были с нею (Галей) ровесниками, но она казалась взрослее. Я, как соседский сын, часто бывал в имении, и Артур Каземирович несколько раз доверял мне сопровождать Галину во время конных прогулок или на

охоту. Хорошо помню эту смуглую, озорную и, я бы сказал, отчаянную девушку с пышной черной косой. То была лихая наездница и охотник, меткий стрелок. Бывало, она сумеет подстрелить по нескольку глухарей, а у меня – ни одного. Порой она казалась мне немного странной из-за частой смены настроения».

Галя многим нравилась в имении. Нельзя было не обратить внимания на эту девушку с большими зелеными глазами и почти сросшимися бровями вразлет. Наталья Чхеидзе вспоминала, как управляющий барским имением Антак Урбаневич, человек сравнительно еще молодой и вполне прозаический, не мог не чувствовать обаяния Галиного характера. Нередко, любуясь смелостью и красотой ее движений, он ласково восклицал: «Казачок, казачок!». И в этих словах сквозило не простое любовное влечение к жизнерадостной девочкой, а чувство более глубокое, затаенное.

В 1909 г. А. К. Бениславский удочерил Галину Карьер. Теперь она стала носить фамилию и отчество приемного отца, который ее очень любил, постоянно окружая вниманием и заботой. Отчим любил жить на широкую ногу. В его доме нередко устраивались роскошные балы и не менее шумные игры и забавы. Галина не проявляла к такой жизни повышенного интереса. Она сторонилась громкого веселья, любила уединение. Для знакомства с историческими достопримечательностями ездила в Ригу, Лудзу и другие латвийские города.

«Галя жила всецело миром, открывавшимся ей в учении и поэтической природе, – вспоминала Н. Чхеидзе. – Я даже помню, мы, подруги, сообща придумали ей некоего Рувима, юношу с печальными глазами, вздыхающего по «милрой Галендухе» (этот вариант имени Галина мы вычитали в тогдашнем календаре). На добродушные подтрунивания подруг Галя отвечала не менее добродушной улыбкой. Видимо, чувство юной Гали еще молчало в те годы, подспудно зрея до срока, когда жизнь связала ее судьбу с судьбой большого поэта России, Сергея Есенина».

Гимназистка

В 1912 году Галина Бениславская со своей тетей Н. П. Zubовой переехала в Петроград, где поступила, сдав экзамены, в IV класс Преображенской восьмиклассной женской гимназии. «Помню, как к нам в четвертый класс, – вспоминала Наталья Чхеидзе, – поступила новая ученица, сразу обратившая на себя внимание девочек. Необычайной показалась сама внешность новенькой. Ее большие серо-зеленые глаза были оттенены черными, сросшимися над переносицей бровями; густые косы каштановых с медным отливом волос ложились на плечи, как бы обрамляя естественной рамой лицо. Разговаривая, Галя слегка склоняла голову набок и внимательно смотрела на собеседника, словно вслушиваясь в него своим мягким, проникновенным взглядом».

Преображенская женская гимназия была основана в 1906 году группой петербургских учителей, энтузиастов и подвижников своего дела. Они в 1904 г. выкупили на улице Потемкинской принадлежавший А. Г. Дубасовой дом № 5, который затем перестроил архитектор Гавеман. Вскоре в здании разместилась Преображенская новая школа товарищества учителей (8-классная женская гимназия).

Многие преподаватели Преображенской гимназии окончили курсы П. Ф. Лесгафта, получившие известность как один из центров революционного студенчества Петрограда. Система обучения в гимназии отрицала педагогическую рутину и официальную казенщину, характерные для многих учебных заведений того времени. Отношение к учащимся в гимназии строилось на демократических принципах. Гимназисткам разъясняли их права, учитывали их индивидуальность и постоянно поддерживали тягу к знаниям.

«В учащихся старались пробудить, – вспоминала Н. Чхеидзе, – прежде всего живое, творческое отношение к знаниям, развить активное мышление, подлинный интерес к изучаемому предмету. Русская литература преподавалась в широкой связи с общественно-историческими процессами в свете работ Белинского, Добролюбова, Писарева и новейших передовых авторов, а уроки рисования чередовались с кратким курсом истории изобразительных искусств.

Для ознакомления с производственно-трудовыми процессами учениц водили на крупнейшие заводы, в ремесленные мастерские. Основы геологии и палеонтологии изучались во время экскурсий по окрестностям Петрограда, а ученицы старших классов совершали исторические экскурсии в Новгород, Нарву, Ригу, другие древние города. Даже такой урок, как пение, был связан с изучением песенной культуры, не только русской, но и украинской, немецкой, французской, а также хоровых и дуэтных номеров из опер».

Среди девочек Галина выделялась не только внешностью, но и своим ровным, спокойным характером. Ей чуждо было тщеславие, обидчивость. «Про нее в полном смысле можно было сказать, – вспоминала Н. Чхеидзе, – что это натура светлая и щедрая, благодаря чему Галя очень скоро была любимицей подруг и учителей».

Успехи в учебе у Галины Бениславской были блестящими. Увлекалась литературой и историей, но наибольший интерес проявляла к естественным учебным дисциплинам. Насыщенной была и ее жизнь во внеучебное время. Она любила участвовать в вечерах ученической самодеятельности, часто ходила на концерты видных певцов и актеров. Я. Козловская вспоминала: «Помню, в 1916 г. зимой мы с Галей пошли в Петроградскую городскую думу на Невском. В ту пору там часто устраивались литературные вечера, на которых выступали поэты и писатели. Сбор шел в пользу семей погибших на фронте воинов. На этот раз выступали И. Северянин, большой, Р. Ивнев и др. Объявили о выступлении Клюева. С Клюевым вышел голубоглазый златокудлый паренек, одетый в стиле «рюс», в бархатных брюках, в вышитой шелковой рубашке, в лакированных сапожках. Нам не понравился его «рязанский» вид, но когда он начал читать свои стихи о природе, о Родине, такие свежие, нежные (это особенно чувствова-

лось после вычурности Северянина и Бальмонта), мы слушали, как зачарованные. Когда он кончил, я спросила у соседки по креслу, как его фамилия. Она сказала: «Сергей Есенин».

Галина Бениславская считалась среди гимназисток заядлой театралкой, так как старалась не пропустить в театрах столицы ни одного полюбившегося спектакля. В воскресные дни она с подругами знакомилась с полотнами выдающихся русских и зарубежных художников в залах Эрмитажа и Русского музея. Эту любовь к поэзии и искусству она сохранила до конца своей жизни.

О ее любви к природе, тонкой наблюдательности и самостоятельном взгляде на окружающую жизнь свидетельствует сохранившаяся небольшая поэтическая зарисовка «Милая незабудка, упавшая к нам весной...», написанная Г. Бениславской 24 января 1917 г.:

«Наступила весна!

Предчувствие света и тепла наполняло грудь и заставляло дышать радостнее и глубже.

Что-то нежное, неуловимое, как счастье, было в воздухе, ласкало и волновало душу.

Радостное, безудержное чириканье птиц, шелест молодых почек – все это было так прекрасно, что казалось – в жизни есть только свет, тепло и счастье, все грозы и бури казались сном – и сердце само начинало чирикать, как воробей.

Лес начинал просыпаться, готовился к новой жизни.

Внизу, у подножья этих молодых белых берез распустилась чудная, нежная фиалка. Она была так хороша, так нежна, так прекрасно-задумчива, что все другие цветы, росшие около нее, все склонили свои венчики к ней. Эта фиалка была глазом самой Весны. Все задумчивое обаяние Весны, нежная радость раннего тепла и солнечная ласка, такая светлая и волшебная, та ласка, какая бывает пока еще не совсем стаял снег и не распустились деревья, – все это выражал этот волшебный-звездный глазок Весны.

А милая, нежная фиалка сама не знала, что в ней таилось. Она нежно и скромно цвела, чаруя всех своим ароматом и своим задумчивым обаянием.

Кругом ее снег уже стаял, начинала пробиваться зеленая травка. Недалеко показались из-под прошлогодней листвы два подснежника. Один из них, еще не распрямив стебелька, уже увидел нежную, легкую фиалку и потянулся к ней еще нераскрывшейся чашечкой. Фиалка ласково глядела на него – и он начал тянуться к ней на своем молодом стебельке. Другой выкарабкался из земли немного позже, и фиалка не обратила на него внимания, но он радостно и бодро оглядывался вокруг и, увидев фиалку, тоже потянулся к ней. В это время пошел снег, было скучно, и холодно, и страшно и не было никого вокруг ласкового и нежного. Теперь уже оба подснежника тянулись к чудной фиалке.

Подснежники не были одного корня, но так тесно росли, что их стебельки переплелись и оба тянулись в одну сторону. Снег по временам падал, потом переставал, но подснежники не боялись его. Они были вместе, и около них неподалеку была нежная фиалка. И подснежники росли все к ней. Младший вытянулся больше, но его стебелек сделался тонким, тонким, тонким, и сам он делался все слабее и печальнее.

А фиалка теперь уже не смотрела на них – ведь вокруг к ней тянулось столько цветов! И подснежники были незамеченными, но все же не могли расти в другую сторону. Они ничего не видели вокруг, они отворачивались от солнца, чтобы видеть фиалку.

И не выдержал младший подснежник – он тихо склонился на землю и умер у ног любимой фиалки. Другой был крепче и бодрее. Он помнил ту минуту, когда фиалка посмотрела на него ласково, и все рос и рос. Он растет и теперь, и все к фиалке, и он дорастет до нее – только когда – не знаю, может, уже дорос даже».

Обучение в гимназии способствовало не только духовному развитию Галины, но и серьезно готовило ее к самостоятельной жизни. В Петрограде она жила в доме приемных родителей. Ее тетя, Н. П. Зубова, отличалась властным характером, проявляла требовательность во всем, поэтому отношения в доме не всегда были равными. Тетя-мама была постоянно загружена на работе, времени на воспитание Гали не оставалось. Но Нина Поликарповна всячески поддерживала развитие у девочки благородных чувств, старалась их оберегать, к этому призывала и ее близких подруг. В одной из записок подруге Гали она писала: «Помни, что Галя очень ласковая и впечатлительная, щади в ней эти два золотых качества, которые могут сделать ей в жизни большое зло. Не найдет ласки в людях, не поймут ее впечатлительность или не пощадят ее, поняв. Ты знаешь, она чувствовала еще дома, что я уезжаю».

Девочка жила свободно. Наталья Чхеидзе вспоминала, что Галя росла, «не стесненная родительской «опекой», в чем мы, одноклассники, сделавшись повзрослее, стали ей откровенно завидовать».

В квартире Бениславских у Галины была своя комната, в которой она поддерживала уют и порядок. Здесь часто собирались подруги, спорили, веселились. Взрослея, в разговорах не обходили и такие деликатные темы, как любовь, отношения с мальчиками. На стене комнаты висела репродукция «Данте и Беатриче» с картины малоизвестного художника. Этот сюжет также привлекал внимание гимназисток, вызывал возбужденное обсуждение.

В своих чувствах Галина внешне старалась быть сдержанной. Отношения с юношами у нее редко вызвали душевные волнения. «Единственное увлечение до тех пор, – вспоминала позже Г. Бениславская, – я испытала в 1916 г. Как мне вообще свойственно, это был порыв. Были даже поцелуи. Но через два месяца всякое чувство само собой прошло. И с тех пор до Сергея Александровича мне и не снилось, что я способна полюбить».

Она могла с юношами больше говорить о поэзии, об искусстве, но не более. В 1917 году, когда жила летом в имении отчима, познакомилась с Михаилом Маковым из Казани. После нескольких встреч юноше показалось, что он сумел чуть-чуть проникнуть в ее душевный мир. В конце июля 1917 г. из Казани прислал послание, в котором как бы предсказывал будущую любовь Галины:

«Если я издеваюсь нередко над любовью твоею к луне, – писал Михаил, – то поверь же, ночная соседка, потому что ты дорога мне. Потому что мне больно и жалко, потому что пугаюсь я сам, когда ты – богатырь и нахалка – покоряешься жалким словам. Когда ты, находясь под гипнозом, видишь все сквозь неясный туман, веришь слезам, и грезам, и розам и не чувствуешь, что это обман. Когда ты в постоянстве экстаза, забываешь характер и ум, и влечет тебя глупая фраза, но одетая в стильный костюм. И боюсь я, что милый твой разум покорит каждый наглый поэт, если только к изысканным фразам он прибавит и модный жакет».

Оценка Михаила понравилась Галине. Она переписала текст письма в свой дневник.

Вступление в самостоятельную жизнь

В 4-м классе гимназии Галя еще больше сдружилась с Яной Козловской, также приехавшей с родителями в Петроград. По темпераменту они были разными, но у них быстро определилась общность вкусов и интересов. Яна была дочерью известного революционера М. Ю. Козловского, одного из основателей социал-демократической партии Польши и Литвы. В семье Козловских революционные взгляды не скрывались. Неудивительно, что протест дочери против самодержавия и социальной несправедливости в стране с годами осознанно сформировался. Яна делилась сокровенными мыслями с подругой, зная, что та ее не предаст.

Яна познакомила Галю со своей семьей. Ее отец, Мечислав Юльевич Козловский, был профессиональным революционером. Во время революции 1905 года состоял членом военно-революционной организации и стачечного комитета в городе Вильно (ныне Вильнюс). После подавления революции эмигрировал. В 1907 г. – делегат V съезда РСДРП в Лондоне. Начиная с 1909-го, проводил революционную агитацию в союзе металлистов Санкт-Петербурга. Во время Февральской революции 1917 г. входил в Исполком Петроградского совета и ЦИК 1-го созыва, а также исполнял обязанности председателя Выборгской районной думы. Участвовал в работе Особого совещания по выработке закона о выборах в Учредительное собрание. Представлял интересы РСДРП(б) на судебном процессе 5 мая 1917 г. о выселении ЦК и ПК РСДРП(б) из особняка балерины Кшесинской на Кронверкском проспекте.

В начале июля 1917 года М. Ю. Козловского вместе с Лениным, Зиновьевым и другими революционерами Временное Правительство обвинило в измене по делу о «немецком золоте». 6 июля он был арестован у себя на квартире, но 31 августа 1917 г., после подавления Корниловского мятежа, был отпущен под залог и переведен из «Крестов» под домашний арест.

В семье Козловских Галина Бениславская познакомилась с большевистскими идеями. Чуткая и отзывчивая по натуре, она постепенно уверовала во многие принципы большевиков, которые ей разъясняла Яна, многому научившаяся у своего отца. Подруги проходили на практике серьезную школу приобщения к общественно-политической жизни. В мае 1917 года Яна и Галя вступили в социал-демократическую партию большевиков, стали активно участвовать в различных митингах и демонстрациях, разносили листовки и раздавали солдатам обеды.

Завершение учебы Галиной в гимназии совпало с огромными социально-политическими переменами в России. Падение самодержавия во время бескровной Февральской революции 1917 года и приход к власти Временного правительства отразились на ее дальнейшей судьбе.

Галине Бениславской 4 мая 1917 г. вручили Свидетельство № 9582 об окончании женской гимназии. По основным предметам получила отличные оценки, хорошие – по французскому и немецкому языкам. На основании утвержденного в России Правила от 31 августа 1874 года такие оценки давали право на получение золотой медали.

После окончания общего курса учебных дисциплин в Преображенской женской гимназии Галина поступила в 8-й дополнительный класс частной гимназии М. Д. Могилянской «для специального изучения русского языка и математики». Проучилась недолго. По всем обязательным и специальным дисциплинам получала отличные оценки. Но не успехи в учебе, а радикальные взгляды Галины в защиту бедных вызвали раздражение А. Бениславского. Ссорами между падчерицей и отчимом нередко заканчивались многие попытки отстоять свою точку зрения. 24 мая 1917 г. Галине выдали Временное свидетельство, в котором кроме оценок было указано, что она «вероисповедания православного», но в графе после слова «дочь» вместо фамилии приемного отца А. К. Бениславского стоял прочерк.

Чтобы оторвать Галину от бурной политической жизни в столице, приемные родители в июле-августе 1917 г. отправили жить ее в имение Рыкополь. Здесь она 27 августа 1917 г. получила выданное уездным комиссаром Временного правительства города Режица удостове-

рение, в котором сказано: «Дано сие гражданке Галине Артуровне Бениславской в том, что она постоянно проживает в имении Рыкополь Ковнатской волости».

Перед отъездом в поместье Галина Бениславская подала заявления для поступления на Петроградские высшие женские курсы на физико-математический факультет и на такую же специальность в Петроградский университет. Директор высших женских курсов вскоре прислал уведомление, что ее приняли в число слушательниц и что занятия начнутся 2 октября 1917 г. Положительно решался и вопрос о зачислении в университет после оплаты нужной суммы за обучение в первом семестре. Но все замыслы получения высшего образования остались неосуществленными, хотя Бениславская начала ходить на занятия в университет. Возможно, что основной причиной ухода из вуза явились ее серьезные разногласия с приемным отцом и тетей.

Бениславская избрала иной путь. Чтобы уйти от опеки приемных родителей, проверить на практике свою самостоятельность, она неожиданно переезжает в Харьков, предварительно получив Свидетельство комиссара Временного правительства, подтверждающее, что она является постоянным жителем Петрограда. Запаслась и отпускным билетом слушательницы Петроградского университета для отъезда в Харьков. Свое высшее образование Галина продолжила в Харьковском университете. Училась успешно. 11 октября 1918 года ей выдали удостоверение Харьковского университета для свободного повсеместного проживания. Окончить университет и получить диплом о высшем образовании в Харькове не удалось. Последний зачет она сдала 3 апреля 1919-го.

Среди белых

Обучение в Харьковском университете было прервано из-за обострившейся обстановки в стране. После прихода к власти большевиков, разгона Учредительного собрания и установления однопартийной системы вспыхнула Гражданская война, расколовшая общество и вынудившая нередко брата воевать с братом, друга с бывшим другом, если они расходились во взглядах или по-разному оценивали текущие политические события.

На юге России против большевиков выступило движение белых, возглавляемое генералом Деникиным. Под его знамя встали сотни офицеров, верных присяге свергнутому царю, тысячи солдат и казаков. В это время Красная Армия проходила начальную стадию формирования, не имела опыта ведения военных действий. Под натиском хорошо обученных частей Белой армии красные вынуждены были начать отход на север.

Город Харьков оказался в руках деникинских войск. Галина понимала, что ей, как члену партии большевиков, вряд ли будет пощада, поэтому решила покинуть город. Направилась в сторону боевых действий, надеясь, что при удобном случае сможет перейти линию фронта и попасть на территорию красных.

Задержали ее при проверке документов и подвергли аресту. Вызвало сомнение, что девушка со студенческим билетом Харьковского университета без уважительных объяснений покинула город и устремилась на север, где идут военные действия. Для выяснения Галину отправили под конвоем в ближайший штаб деникинской дивизии. Все бы могло закончиться трагично, если бы не счастливый случай. Неожиданно в штабе она столкнулась с приемным отцом А. Бениславским, который служил военным врачом в Белой армии. Он остался верен своим верноподданническим взглядам. Встреча с Галиной его удивила, но одновременно и обрадовала. Они не виделись несколько лет. Победило отцовское чувство. А. Бениславский пошел в штаб и заявил, что это его дочь, которую тут же освободили.

Своих намерений о возможности перебраться в Москву Галина не стала скрывать от Артура Казимировича. Это его не обрадовало, но и противиться ее желанию он не стал. Для безопасного нахождения в районе боевых действий отчим выдал Галине удостоверение сестры милосердия Кабардинского полка, который где-то под Белгородом принимал участие в наступлении Добровольческой армии. В удостоверении, правда, для конспирации заменили имя Галина на Екатерину. Также выдали необходимое в таких случаях обмундирование для сестры милосердия. Попрощались дружески, понимая, что теперь их пути-дороги окончательно разошлись. О встречах в будущем не говорили.

28 августа 1919 года Галина выехала из Харькова как сестра милосердия в сторону Белгорода. В дороге узнала, что красные войска Белгород покинули. В тревожном состоянии она в 12 часов ночи стояла на белгородском перроне, не зная, что делать дальше. Возвращаться в Харьков не хотела. Решила твердо придерживаться своей легенды: она – медицинская сестра и ей нужно срочно прибыть в 80-й Кабардинский полк, который, как ей рассказывали, расквартирован между Ржевом и Обоянью.

Неожиданно подошла к Галине незнакомая барышня.

– Вы, сестрица, до Ржевы, кажется, говорили, едете, – обратилась незнакомка, – я тоже – поедем вместе, я с моим братом еду в Обоянь.

Стали интересоваться у дежурного по станции, когда будет поезд на Ржев. Не заметили, как рядом оказался офицер в красивой бархатной куртке. Своими манерами напоминал хорошо воспитанного человека, поэтому на девушек произвел впечатление.

– Сестрица, я могу вам предложить мой поезд, он отходит через пять минут! – предложил офицер.

Немного поколебавшись, Галина приняла предложение. С ней решили ехать Зина и ее брат, обоянские попутчики. Офицер повел их к своему поезду, но перед посадкой в вагон немного застенчиво стал разяснять девушкам, что офицеры вернулись из города, там напились, нагулялись, поэтому ему необходимо их успокоить и уложить спать. Пришлось разместиться на входной площадке в вагон. Здесь же и познакомились поближе. Молодой офицер, начальник поезда, представился как Вова Залесский. Его поезд был прикреплен к бронепоезду «Офицер». Попутчица до Обояни представилась Зиной, а Бениславская назвалась Катей, как это было записано в ее медицинском документе.

Владимир Залесский родился в Петрограде. Обрадовался, что Бениславская также из Северной столицы. Есть о чем поговорить!

Галя вспомнила, что недавно читала про подвиг поезда-вспомогателя.

– Это ли вспомогатель, выведший из ураганного огня «Офицера»? Там служил поручик Щекин? – спросила она Залесского.

– Да, но поручика Щекина здесь нет теперь! А откуда вы знаете? – переспросил недоверчиво офицер.

– Как же, я слежу по газетам, да тем более такой геройский подвиг! – ответила Бениславская.

Такая осведомленность девушки только усилила к ней симпатию Залесского. Он пожелал дамам «спокойной ночи», поцеловал им руки и отправился спать. Завтра опять предстояло ехать в Белгород.

В 6 часов утра Галина со спутниками высадилась во Ржеве. Спать устроились в квартире одного железнодорожника.

После обеда в Ржеве с сестрой милосердия познакомились многие офицеры. Чувствовали себя раскованно, свободно при ней говорили на разные темы, не обходя в том числе и служебные. Один из офицеров пригласил Галя осмотреть тракторную батарею из 26-дюймовых орудий. Офицер-корниловец из белой контрразведки рассказывал, что Ржеву грозит опасность быть окруженным и отрезанным, так как красные готовят наступление.

Контрразведчик не ошибся. 29 августа начался обстрел города красным бронепоездом «Черноморец». Позже Галина запишет в своем дневнике: «Страшная паника, офицеры выскакивают, на ходу надевая шинель (было уже 6 часов). Снаряды бьют прямо по станции. Суматоха бешеная, вытаскивают раненых в обоз, мужики (подводчики) не слушаются, стараются удрать. Делаю вид, что растерялась – не знаю, куда спастись. Бегаю по станции, пока, наконец, не отступает последний бронепоезд «Иван Калита» – при мне снаряд угодил ему в паровоз – он удирает полным ходом. Обстрел усиливается. Слышно, как сыпятся оконные стекла. Выхожу со станции к обозу, к радости последние телеги уезжают (я, на всякий случай, без вещей, чтобы иметь возможность застрять, побежав за вещами). Вдруг снаряды бьют по обозу (по его хвосту), один падает сажень в двух от меня».

Рисковать не хотелось. Осколком разорвало юбку. Галя бросилась в погреб к жителям, чтобы отсидеться. Стрельба вскоре закончилась. Стали высказывать предположение, что броненосец красных «Черноморец» уже стоит на станции. Не тут-то было. В открытую дверь погреба неизвестный мужчина сказал Галине: «Сестрица, за вами солдаты пришли!». Неужели красные что-то заподозрили? Но оказалось, что бронепоезд «Черноморец» был остановлен батареей при подходе к городу. Солдаты же со своим прапорщиком Егуновым пришли спасать сестру милосердия от «лап красноармейцев». Надежда пробраться к красным рухнула.

Следующий день прошел в поисках выхода. Офицеры не упускали возможности поговорить и полюбезничать с сестрой милосердия. Галине даже предложили посмотреть на перестрелку бронепоездов. Она старалась сделать вид, что ей, как медсестре, не страшны боевые действия, но идти отказалась. Ее пригласили на обед офицеры вчерашнего поезда-вспомога-

теля. В купе настойчиво предлагали распить с ними водку, выпрашивали у нее кокаин. Еле выдержала этот натиск. Вскоре захмелевшие офицеры заснули.

На следующий день с этим же поездом Галина вернулась в Белгород. Офицерам при прощании сказала, что будет искать штаб Кабардинского полка. К утру добралась до Прохоровки. В штабе дивизии ей сказали, что Кабардинский полк внезапно отступил и с ним потеряна связь. Возможно, что это к лучшему, подумала она. Твердо решила больше не знакомиться с офицерами. С трудом наняла извозчика, чтобы добраться до отдаленного села, но оказалось, что и там идут бои. Пришлось остановиться у родственников подвозившего мужика. Жители опасались, что на них могут напасть казаки, так как село было в их волости. Галя хотела уйти рано утром, но хозяин не пустил, опасаясь, что разведка может ее заметить, арестовать и расстрелять. И только в 9 часов она получила с благословением «добро»: «Ну теперь иди с богом, казаки справа от села, а ты левой тропкой иди на Тычки, пройдешь на Прилепы».

Среди красных

В своем дневнике Галина Бениславская позже записала: «Вышла я смело. Ведь я решила, значит, возврата нет. Если бы поймали казаки и обнаружили мой студенческий билет – я бы бросилась бежать, пока не застрелили бы, а живую бы не далась. Прошла речку не через мост – там, должно быть, патруль был, – а по оставшемуся столбику от кладок. Иду. Мужик косит гречиху».

Галина бодро шла по сельской дороге. Она была уверена, что линия фронта позади, что теперь ее ждет долгожданная встреча с красными. Действительно, вскоре она столкнулась с конным патрулем, который обратил внимание на девушку в одеянии сестры милосердия. Потребовали для проверки документы. Отношение к ней изменилось, когда обнаружили справку, что Бениславская на самом деле числится сестрой милосердия белой армии. Все ее оправдания и объяснения не принимались.

Так она оказалась в особом отделе 13-й армии красных.

Начались допросы. Проводил их начальник Особого отдела Жуковский. Галина заявила, что с мая 1917 года является членом партии большевиков, в последнее время училась в Харьковском университете и любыми способами хотела после начала военных действий на юге перебраться в Москву, поэтому и использовала поддельное удостоверение медицинской сестры Добровольческой армии белых.

Говорила искренно, удивлялась, что ей не верят. На вопрос, где ее родители, она ответила, что родителей нет, а жила и воспитывалась у родной тети в Петрограде. В это чекисты также не поверили.

Галина вспомнила Яну. Ведь это ее отец сейчас у большевиков занимает большой пост. И она рассказала чекистам, что ее хорошо знает старый партиец Мечислав Юльевич Козловский, который не только лично знает Владимира Ильича Ленина, но и работает под его руководством. Чекисты удивились. Девушка произносила хорошо им известные имена руководителей партии и государства. Не сумасшедшая же она! Такими фактами не шутят!

Жуковский знал, что Мечислав Юльевич Козловский действительно работал в Петрограде после Октябрьской революции председателем Чрезвычайной следственной комиссии в 1917 г., а затем стал заместителем наркома юстиции. А вдруг арестованная медсестра говорит правду!

По настоятельной просьбе Бениславской был сделан запрос в Москву.

И все же сомнения у чекистов не исчезли. Некоторым особистам все казалось яснее ясного. Никакая она не сестра милосердия, а засланная в тыл красных деникинская разведчица, которую надо за шпионаж расстрелять. Неожиданно один молодой чекист запротестовал:

– Ребята, давайте подождем ответа из Москвы, девушка с такими глазами не может быть предательницей. Если я ошибусь, мы всегда успеем ее расстрелять.

Согласились подождать ответа. Сведения Галины о положении белых в районе Харькова и об обстановке в самом городе решили использовать в своей оперативной работе. Несколько дней тому назад из Киева в распоряжение штаба 13-й армии прибыла группа подготовленных разведчиков, которых необходимо было срочно перебросить в тыл деникинской армии в районе города Харькова. Начальник Особого отдела армии Жуковский, по воспоминаниям разведчицы П. Ю. Бокль, «сказал, что приведет к нам одну девушку, которая перешла к нам с деникинской стороны во время боя. Тов. Жуковский просил нас присмотреться к ней, слушать внимательно, что она говорит, и постараться разобраться с ней. Когда появилась эта девушка, мы были поражены ее необычной наружностью. Смуглое красивое лицо, черные кудрявые волосы, густые сросшиеся брови и совершенно неожиданные бирюзовые глаза. Нам всем эта

девушка очень понравилась, и мы почувствовали, что она говорит правду. Мы подружились. Скоро нас отправили по назначению, а эта девушка осталась».

Из Москвы наконец-то пришел ответ, в котором М. Ю. Козловский подтверждал членство в партии большевиков Галины Бениславской. Он же ручался за ее преданность революционному делу и благонадежность. Эта депеша послужила основанием для освобождения Галины из-под ареста. Больше всех радовался молодой чекист, которого все звали Фимкой, веривший с самого начала в невиновность Галины. При прощании они договорились встретиться после войны в Москве. Это в будущем действительно произошло. Фимка приходил в гости на квартиру Г. Бениславской, был знаком с ее подругами по квартире. Так случилось, что еще при жизни Гали во время летнего купания в Черном море Фима утонул.

Отпуская на волю, чекисты подозрений с Г. Бениславской не сняли. Особый отдел завел в 1919 году на нее «Дело № 1725 «А», которое было закрыто только в 1920-м. Чтобы Бениславская могла беспрепятственно добраться до Москвы, 7 октября 1919 г. ей выдали в Особом отделе документ за № 4198:

Удостоверение

Особый отдел 13 армии настоящим удостоверяет, что предъявительница сего Галина Бениславская, задержанная при переходе фронта от белых, освобождена из-под ареста ввиду отсутствия признаков преступления. Особый отдел разрешает Г. Бениславской дальнейший проезд до Москвы.

До столицы Галина добралась без приключений, хотя на передвижение потребовалось несколько суток. Время было тревожное. Белая армия продолжала наступать, приближаясь к Москве, железнодорожный транспорт работал с учетом требований военного времени.

Рядом с чекистами

В Москве Галина Бениславская нашла приют в доме Козловских. Жила в одной комнате с Яной. Квартира М. Ю. Козловского находилась в Кремле, в Кавалерийском корпусе. Мечислав Юльевич занимал ответственные посты в молодом Советском государстве. С декабря 1917-го по ноябрь 1920 г. работал в Наркомате юстиции, одновременно замещая должность председателя Малого Совнаркома РСФСР. Используя его авторитет в Прибалтике, его в январе – апреле 1919 г. назначили наркомом юстиции и членом ЦИК Литовско-Белорусской советской республики.

По рекомендации М. Ю. Козловского, Бениславскую приняли на работу секретарем сельскохозяйственного отдела Особой межведомственной комиссии при ВЧК, недавно образованной декретом Совнаркома. В отличие от чекистских органов, занимавшихся оперативной работой против врагов советской власти, в задачу этой комиссии вменялось «изучение всех источников спекуляции и связанных с ней должностных преступлений». В комиссию входили представители ВСНХ, Наркомюста, Наркомпрода, Наркомгосконтроля и других хозяйственных наркоматов, а также один представитель ВЧК. Председателем Особой межведомственной комиссии был утвержден Н. В. Крыленко. Г. Бениславской было приятно работать с человеком почти легендарной биографии.

Крыленко Николай Васильевич был всего на 12 лет старше Г. Бениславской. Родился в деревне Бехтеево Смоленской области в семье политического ссыльного. Окончил в 1909 г. историко-филологический, а в 1914 г. юридический факультет Харьковского университета. Участвовал в революции 1905–1907 годов; вел партийную работу в Петербурге и Москве. С 1911 г. сотрудничал в газете «Звезда», затем в «Правде» и в думской фракции большевиков. Летом 1914 г. эмигрировал в Швейцарию, в 1915-м возвратился в Россию, но вскоре его арестовали. После освобождения из-под стражи в апреле 1916 года был направлен в действующую армию. Во время Февральской революции 1917 г. избирался председателем полкового, дивизионного, в апреле 1917 г. армейского комитетов 11-й армии Юго-Западного фронта. Был делегатом 1-го Всероссийского съезда Советов (1917), членом его президиума от большевистской фракции; членом первого ВЦИК.

Во время Октябрьской революции Н. В. Крыленко назначается членом Петроградского революционного комитета, входил в состав первого Совета Народных Комиссаров, был членом Комитета по военным и морским делам. С 9 ноября 1917 г. исполнял обязанности Верховного главнокомандующего и наркома по военным делам. С марта 1918 г. переведен на работу в органы юстиции, активно участвовал в организации советского суда и прокуратуры.

Г. А. Бениславской приходилось выполнять различные поручения своего начальника. В основном работа касалась установления связей с различными советскими учреждениями, которые должны были своевременно представлять в комиссию для проверки необходимые документы. «Функции ОМК заключались в проведении ревизий хозяйственных органов, – пишет А. Зданевич, – выработке мер по борьбе со спекуляцией и усилению ответственности должностных лиц. Каких-либо агентурно-осведомительных задач комиссия не имела. Жизнь писателей и поэтов по вполне понятным причинам ее не интересовала – то была епархия секретного отдела ВЧК».

Полномочия Особой межведомственной комиссии были значительными. Их ощущали на себе чиновники советских учреждений, пытавшихся порой игнорировать требования законодательства. Скрупулезная проверка некоторых фактов злоупотреблений советскими чиновниками требовала большой подготовительной бюрократической работы, которой и приходилось в отделе заниматься Г. Бениславской. Она ни в каких оперативных действиях не принимала участия. Ее служебные обязанности были сугубо гражданские, чиновничьи, хотя

внешне ее служебное удостоверение многим напоминало службу в ЧК, органа карательного и наводящего на обывателей ужас.

Только один раз Бениславская предложила свою помощь как сотрудница близкой к ВЧК организации. Случилось это летом 1921 года, когда С. Есенин, А. Мариенгоф и Г. Колобов были задержаны на квартире Зои Шатовой, содержавшей подпольную столовую, доступную узкому кругу доверенных лиц.

Зоя Петровна Шатова приехала в Москву из Тамбова. Регулярное посещение ее квартиры различными людьми, да еще с соблюдением конспирации, руководителю чекистской операции ВЧК – ГПУ в Тамбовской губернии Т. Самсонову показалось подозрительным. Чекисты предполагали, что Зойкина квартира является конспиративной точкой встреч представителей крестьянского восстания на Тамбовщине с антисоветски настроенными московскими интеллигентами.

Т.П. Самсонов в 1929 г. в статье «Роман без вранья» + «Зойкина квартира» писал: «Квартиру Шатовой мог навестить не всякий. Она не для всех была открыта и доступна, а только для избранных. «Свои» попадали в Зойкину квартиру конспиративно: по рекомендации, по паролям и по условным звонкам. В «салон» Зои Шатовой писатель Анатолий Мариенгоф ходил вдохновляться; некий Левка Инженер с другим проходимцем Почем Соль привозили из Туркестана кишмиш, муку и урюк и распивали здесь «старое бургундское и черный английский ром». (...) Здесь производились спекулятивные сделки, купля и продажа золота и высокоценных и редких изделий (...) Здесь же, в Зойкиной квартире, темные силы контрреволюции творили более существенные дела. Враждебные советской власти элементы собирались сюда, как в свою штаб-квартиру, в свое информационное бюро, на свою черную биржу (...). Надо было прекратить это гнусное дело. Для ликвидации этой волчьей берлоги в Зойкину квартиру у Никитских ворот и явились представители ВЧК. Была поставлена засада. В нее попали Мариенгоф, Есенин и их собутыльники».

С. Есенин, Г. Колобов и А. Мариенгоф пришли к Шатовой, когда обыск уже заканчивался. Поняв, в чем дело, они пробовали отделаться шуточками и прибаутками, но чекисты им вежливо и твердо заявили, что с ними шутить никто не собирается. Есенин и Мариенгоф, надвинув шляпы на глаза, успокоились. Только Колобов, размахивая своими мандатами и удостоверениями, кричал, что он никак не может позволить, чтобы его задержали «какие-то агенты ВЧК». Ему разъяснили, что действуют они по закону, что о Г. Колобове уже оповещено его начальство по службе. После этого всю задержанную группу на квартире Зои Шатовой препроводили во внутреннюю тюрьму ВЧК.

Петроградская знакомая Есенина, эсерка Мина Свирская, в это время находилась под арестом и оказалась свидетелем пребывания поэта под следствием. «Летом 1921 года я сидела во внутренней тюрьме ВЧК на Лубянке, – вспоминала М. Свирская. – К нам привели шестнадцатилетнюю девушку, которая приехала к своей тетке из провинции. Тетка содержала нелегальный ресторан. Для обслуживания посетителей она выписала племянницу. Органами ВЧК учреждение было обнаружено. Устроена засада, всех приходивших задерживали. Задержаны были Есенин, Мариенгоф и Шершеневич (на самом деле Г. Колобов. – С. З.). Их привезли на Лубянку. Тетку, эту девушку и еще кого-то поместили в камере, а целую группу держали в «собачнике» и выпускали во двор на прогулку. Я увидела Есенина. Он стоял с Мариенгофом и Шершеневичем довольно далеко от нашего окна. На следующий день их снова вывели на прогулку. Я крикнула громко: «Сережа!». Он остановился, поднял голову, улыбнулся и слегка помахал рукой. Конвоир запретил им стоять. Узнал ли он меня? Не думаю. До этого я голодала десять дней... На следующий день всю эту группу во дворе фотографировали. Хозяйку, матрону очень неприятного вида, усадили в середине. Есенин стоял сбоку. Через некоторое время меня с группой товарищей увезли в Новосибирск».

Узнав об аресте С. Есенина, Г. Бениславская предложила для его освобождения свои услуги. Надежда Вольпин вспоминала: «...Каждый вечер захожу в СОПО узнать, что слышно о Есенине. Отвечают мне неохотно и не очень правдиво. Или это мне вообразилось – со страху за Есенина? Время бурное, тут и без вины пропасть недолго! Поздний вечер. Отчитав с эстрады свои последние стихи, я прошла в ЗАО поэтов. Ко мне сразу подступили две молодые женщины. Одна – высокая, стройная, белокурая, с правильным, кукольно-красивым и невыразительным лицом: назвалась Лидой, без фамилии. Вторая – среднего роста, нескладная, темноволосая, с зелеными в очень густых ресницах глазами под широкой чертой бровей, тоже в очень густых ресницах глазами под широкой чертой бровей, тоже очень густых и чуть не спосшихся на переносе. Лицо взволнованное, умное: Галина Бениславская. Просит меня разузнать в правлении СОПО о Есенине – где он сидит и по какому делу. Я отклоняю просьбу:

– Спрашивала. Мне не ответят.

Те не поверили, настаивают. Думают, глупые, что во мне говорит обывательский страх. Страх-то есть, но страшусь не за себя.

– Я не из пустого любопытства, – сказала, наконец, темноволосая. – Я могу помочь.

Услышав «могу помочь», я решилась вызвать к ним Грузинова: он у нас секретарь правления и, знаю, предан Есенину.

Вызвала, и тут же меня осенило: если может помочь... значит, может и навредить? Ну, Грузинов не дурак, сообразит, как повести себя с объявившейся вдруг помощницей».

После проверки задержанных лиц на квартире Зои Шатовой было установлено, что арестованные не имеют никакого отношения к политике. Тот же Т.П. Самсонов говорил с сожалением: «Думали, что открыли контрреволюционную организацию, а оказалась крупная спекуляция». Вскоре все задержанные были отпущены.

Помощь Бениславской не потребовалась.

Проработала Галина в Особой межведомственной комиссии недолго. Подводило ее здоровье. Ей приходилось нередко лечиться от неврастения в санаториях. Длительное отсутствие на работе отрицательно сказывалось на ее служебной карьере. 27 апреля 1922 г. ей на руки выдали справку, в которой говорилось: «Прошу сотрудницу для поручений сельскохозяйственного отдела Бениславскую. Г. А., как фактически в отделе не работающую около 4 месяцев, откомандировать в административный отдел ГПУ».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.